

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 26.

5 ЮЛЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на полученіе Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальномъ: Ленгольда, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшнікова.

Желающіе подписаться могутъ получать Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

Къ № 26-му предлагается: фантазія изъ оперы: «Le pardon de Ploërmel», соч. Контескаго.

Содержаніе: Официальное извѣстіе. — Письмо въ Редакцію (А. Сѣрова). — Критическія замѣтки (А. Г-ва). — Вѣсти отъ всюду. — Воспоминанія музыканта Адольфа Адама.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представилъ въ Правительствующій Сенатъ, для свѣдѣнія, копію съ Высочайше-утвержденнаго, 1-го мая сего года, устава Русскаго Музыкальнаго Общества въ Санктпетербургѣ.

Сообщаемъ извлеченіе изъ Высочайше-утвержденнаго 1-го мая устава Русскаго Музыкальнаго Общества. Цѣль Общества: развитіе музыкальнаго образованія и вкуса къ музыкѣ въ Россіи и поощреніе отечественныхъ талантовъ. Для достиженія своихъ цѣлей Общество:

а) Исполняетъ въ возможномъ совершенствѣ лучшія произведенія музыки инструментальной и вокальной, какъ-то: симфоніи, увертюры, квартеты, тріо, ораторіи, мессы, кантаты и проч. б) Доставляетъ отечественнымъ композиторамъ возможность слышать свои произведенія въ исполненіи. в) Назначаетъ конкурсы для музыкальных сочиненій и отличившимся выдаетъ золотыя и серебряныя медали, похвальные листы и денежныя преміи. г) По мѣрѣ развитія своихъ средствъ, оказавшимся особенно способными, какъ въ музыкальномъ сочиненіи, такъ и въ исполненіи (въ пѣніи или игрѣ на какомъ-либо инструментѣ), Общество выдаетъ денежныя и другія преміи; на свой счетъ печатаетъ замѣча-

№ 26.

тельнѣйшія музыкальныя произведенія русскихъ авторовъ, по взаимному съ ними соглашенію; посылаетъ за границу для усовершенствованія и проч. д) Для доставленія желающимъ заниматься музыкою возможныхъ къ тому средствъ, при Обществѣ находится музыкальная бібліотека и выписываются важнѣйшія музыкальныя газеты и журналы. Общество имѣетъ право выбивать медали въ честь знаменитыхъ русскихъ музыкантовъ, по прошеніи на то предварительно Высочайшаго соизволенія. Членами Общества могутъ быть лица обою пола. Число членовъ не ограничено. Каждый членъ вноситъ ежегодно 15 р. сер. въ кассу Общества и утверждается въ званіи члена комитетомъ Общества по предложенію одного члена. Лица, жертвующія одновременно довольно значительный капиталъ (не менѣе 1,000 р. сер.), или обязавшіяся вносить ежегодно не менѣе 100 р. сер., пользуются званіемъ *почетныхъ членовъ*. Званіемъ почетнаго члена могутъ быть удостоиваемы, по опредѣленію общаго собранія, русскіе и иностранные артисты, пріобрѣтшіе извѣстность, и въ особенности лица, принесшіе пользу музыкѣ въ Россіи. Члены Общества имѣютъ право: присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса (но въ комитетѣ только заявляютъ свое мнѣніе), пользоваться музыкальною бібліотекою и получаемыми въ ней музыкальными журналами и газетами. Каждый членъ получаетъ билетъ для входа на 10 симфоническихъ вечеровъ, даваемыхъ ежегодно Обществомъ, но не имѣетъ права передавать его другому лицу; за всѣ же остальные музыкальные вечера, или утра, членъ платитъ наравнѣ съ прочими лицами, не принадлежащими къ Обществу. Почетные члены, вносящіе ежегодно 100 р. сер., получаютъ билеты на всѣ музыкальныя собранія Общества бесплатно. Всѣми дѣлами Общества какъ по искусственной, такъ и по хозяйственной и распорядительной части, завѣдываетъ комитетъ, состоящій изъ пяти директоровъ. По прошествіи первыхъ двухъ лѣтъ со дня утвержденія сего устава, и затѣмъ еже-

годно, выбывают по жребію двое изъ директоровъ, предлагающіе вмѣсто себя двухъ новыхъ директоровъ, которыхъ утверждаютъ въ семь званій остающіеся члены комитета. Къ директорамъ избираютъ комитетомъ пять кандидатовъ для замѣщенія на случай выхъ или продолжительнаго отсутствія директоровъ, а также для помощи имъ въ распоряженіяхъ по устройству музыкальных вечеровъ и проч. На комитетѣ лежитъ обязанность приведенія въ исполненіе сего устава и наблюденіе за точнымъ его исполненіемъ. Комитетъ заботится объ увеличеніи средствъ Общества, о своевременномъ взосѣ денегъ членами, назначаетъ конкурсы и темы для конкурсовъ, присуждаетъ за нихъ медали, преміи, назначаетъ денежныя пособія, печатаетъ музыкальныя сочиненія, назначаетъ дни, какъ музыкальных, такъ и общихъ собраний, хранитъ имущество Общества и ежегодно даетъ отчетъ общему собранію въ приходѣ и расходѣ суммъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Для управленія оркестромъ и хорами, для выбора артистовъ, участвующихъ въ исполненіи, комитетъ избираетъ опытнаго артиста, который имѣетъ право голоса во всѣхъ собраніяхъ комитета. Разсмотрѣніе сочиненій, представляемыхъ на соисканіе премій или на конкурсъ, а равно и для исполненія, присужденіе премій исполнителямъ, составленіе программъ для концертовъ, комитетъ поручаетъ директору, избранному имъ для управленія концертами, вмѣстѣ съ извѣстными своими музыкальными познаніями лицами и, соображаясь съ ихъ заключеніями, дѣлаетъ окончательныя постановленія. (С. В.)

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Дрезденъ, 7 іюля (25 іюня) 1859.

М. Г. очень благодарю васъ за сообщеніе мнѣ по-вой выходки противъ меня со стороны г. Ростислава (отъ 17-го іюня, въ № 130 Сѣв. Пчелы; прошлая выходка была отъ 16-го мая;—не принялъ ли г. Ростиславъ за принципъ, каждый мѣсяцъ помѣщать хоть одну враждебную противъ насъ статейку--?); но признаюсь вамъ, что этимъ вы поставили меня въ нѣсколько трудное положеніе. Вы желаете, чтобы я отвѣтилъ г. Ростиславу, *какъ онъ того заслуживаетъ*; этого же самого, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, желаютъ многіе и изъ читателей Вѣстника, — между тѣмъ наша съ г. Ростиславомъ полемика принимаетъ видъ не «войны» (много чести для моего противника: воюютъ силы сколько-нибудь уравновѣшенныя), а какой-то хронической «болѣзни» и мнѣ, искренно говорю вамъ, теперь очень мало охоты предаваться этому водотолченію. Г. Ростислава намъ съ вами не передѣлать, не пріучишь выплывать въ сущность вопроса, не вложить въ этого фельетониста ясное пониманіе предмета, о которомъ онъ привыкъ толковать безъ малѣйшей логики, въ своихъ конфетныхъ отчетцахъ—касательно пѣнія Лагранжъ или ит-дѣзовъ Тамберлика; намъ съ вами не удастся внушить г. Ростиславу, что принятая имъ система «личности» (съ подробностями прически, частной корреспонденціи и т. д.) на него же самого навлекаетъ подозрѣніе въ совершенной его «безоружности» по части истинной критики, артистической полемики. Съ другой стороны, мнѣ жалко и нашихъ читателей угощать разборомъ «помянутыхъ» промаховъ г. Ростислава (въ его полемикѣ сомно), промаховъ противъ техническаго знанія музыки, противъ ея эстетики и, просто, противъ здраваго смысла. Какое читателямъ на-

шишь *дѣло* до всего этого, собственно говоря? — Замѣтите, что г. Ростиславъ, съ своей стороны, въ двухъ послѣднихъ своихъ статьяхъ, называетъ меня (самъ бывши убѣжденъ въ *противномъ*) совершеннымъ *невеждою* по музыкѣ,—мало того, *человѣкомъ безграмотнымъ и неполучившимъ ни малѣйшаго образованія*.

Кому и чему вѣрить,—предоставляется на судъ публики. Но для вѣрнѣйшаго, справедливѣйшаго рѣшенія въ такомъ судѣ, надо бы, чтобы нападенія г. Ростислава на меня печатались не въ Сѣверной Пчелѣ, а въ нашемъ Вѣстникѣ (тогда—я увѣренъ—мнѣ и не нужно было бы снабжать эти нападенія «комментаріями»), а чтобы мои возраженія г. Ростиславу помѣщались не въ нашихъ столбцахъ, а на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Сѣверной Пчелѣ.

По всему этому нынѣшнюю «бесѣду» г. Упадислава,—то бишь — Ростислава,—безцѣльное дополненіе къ окончательной (!) расправѣ (?) съ критиками—самозванцами (?), плохія варіаціи на старую тему,—мнѣ слѣдовало бы оставить вовсе безъ возраженія, но противникъ мой надѣлалъ тутъ опять столько самыхъ непростительныхъ, для музыканта-литератора, промаховъ, что придавъ всей статьѣ видъ какой-то колоссальной опечатки, которую, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ занести въ вѣдомости нашей уже столько-длинной полемики, для *полноты* дѣла. Да кромѣ того, кстати будетъ при этомъ, съ моей стороны, сказать нѣсколько словечекъ въ свое оправданіе насчетъ *теоріи* и *исторіи* музыки; «кстати», потому что на дняхъ у меня будетъ къ «Редакціи» покорная просьба, касательно предпринимаемаго мною, предстоящею осенью, поваго публичнаго курса.

Въ прошедшей и нынѣшней статьѣ г. Ростиславъ нѣсколько разъ повторяетъ, что я былъ *изобличенъ* въ совершенномъ *незнаніи* публично преподаваемаго мною предмета. Обвиненіе сильное, еслибъ «изобличеніе» дѣйствительно существовало. Но, кромѣ замѣтки вскользь о словѣ «ритмъ» (котораго г. Ростиславъ *не понималъ* въ настоящемъ его смыслѣ, покуда я не разъяснилъ понятія въ статьяхъ Вѣстника за 1856 годъ) и о словѣ «каденца» (которое, какъ извѣстно, принимается въ двухъ смыслахъ,—о чемъ я и замѣчалъ, переводя въ 1856 г. разговоры Россіи съ Гиллеромъ). Г. Ростиславъ во всемъ техническомъ, въ видѣ «изобличенія» меня въ неувѣжествѣ, принимаетъ—что? — статьи противъ меня г. Арнольда въ Сынѣ Отечества за мартъ текущаго года. Эти статьи служатъ для г. Ростислава «авторитетнымъ» свидѣтельствомъ моего неувѣжества по музыкѣ, *вопервыѣхъ* потому, что г. Ростиславъ *считаетъ* г. Арнольда «евѣдущимъ и опытнымъ теоретикомъ», — *во вторыѣхъ* потому, что я оставилъ статьи г. Арнольда *безъ отвѣта*, то-есть, по «логикѣ» г. Ростислава, не умѣлъ, не могъ оправдаться. Но не бывають ли случаи, когда противникъ рѣшительно *не стоитъ* возраженія? когда самое нападеніе *такого сорта*, что дѣлаетъ невозможнымъ всякій серьезный отпоръ? — Я спрашиваю, можно ли, напримѣръ, пускаться въ разглагольствія о *тонкостяхъ* русской *грамматики* и орфографіи съ *человѣкомъ*, который вмѣсто «хлѣбъ» пишетъ «хлепъ», — вмѣсто «лошадь» пишетъ «лошты»? —

Такъ и въ музыкѣ. Итъ никакого способа пускаться въ разсужденія, въ наше время, о музыкальной теоріи и критикѣ съ *человѣкомъ*, который никакого *понятія* не имѣетъ о томъ, что такое *фуга*,—не знаетъ оперы «Вильгельмъ Тель», —не знаетъ твореній Бетховена, не умѣетъ отличить «пасквили» на Бетховена отъ панегирика ему и т. д.

Еслибъ статьи въ «Сынѣ Отечества» противъ *двухъ* изъ числѣшестнадцати моихъ лекцій—имѣли авторомъ совершенно неизвѣстнаго для меня господина N. N. или господина Z. Z., я прочиталъ бы ихъ и спокойно оправдался бы противъ каждой строчки взведенныхъ на меня небылицъ, противъ искаженныхъ цитатъ и криваго толкованія моихъ мыслей и взглядовъ; но подъ статьями было подписано—Ю. Арнольдъ.

Этотъ господинъ былъ не совсѣмъ для меня неизвѣстенъ, то-есть, я очень хорошо помнилъ, что онъ *хоръ трехъ кантоновъ* изъ Вильгельма Теля въ которомъ пѣтъ ни строчки «фугато», называлъ *тройной фугой* (справьтесь въ Вѣстникъ за 1856 годъ); я очень хорошо помнилъ, что Улыбышева, за книгу его о Бетховенѣ, г. Арнольдъ призналъ восторженнымъ поклонникомъ Бетховена и пелѣпѣйшія ошибки нижегородскаго дилетанта, въ техническомъ разборѣ нѣкоторыхъ подробностей изъ Бетховенской музыки, призналъ *дѣйствительнымъ указаніемъ погрѣшностей* въ великомъ симфонистѣ! —Согласитесь, что на возраженіе *такого* теоретика и критика я не долженъ былъ отвѣчать. Я мелькомъ только заглянулъ въ эти курьёзные статьи «Сына Отечества» и увидѣлъ, что г. Арнольдъ остался себѣ *вѣренъ*. Вотъ вамъ, для образчика, одинъ примѣрецъ:

На *третьей* лекціи (именно той, которую, также какъ и вторую, г. Арнольдъ удостоилъ своимъ присутствіемъ),—еще не играя примѣровъ музыки на фортепiano, я написалъ на учебной доскѣ крупными потоми нѣсколько тактовъ Allegretto «A-moll» въ седьмой симфоніи Бетховена (A-dur). Въ статьѣ г. Арнольда сказано, что примѣръ былъ взятъ изъ *похороннаго марша* героической симфоніи!—A la bonne heure.. Вотъ что называется *знать* свое дѣло! Для забавы, потомъ, я прочелъ и всѣ нападенія г. Арнольда на многія подробности изъ теоріи и исторіи музыки, которыя случились на второй и третьей изъ моихъ лекцій. Повторяю, г. Арнольдъ остался себѣ *вѣренъ*, т. е. отнялъ у меня всякую возможность когда-либо ему отвѣчать. Г. Ростиславъ, по части техническихъ и теоретическихъ свѣдѣній, просто исполнилъ передъ музыкальнымъ сотрудникомъ въ «Сынѣ Отечества».

Итакъ — гдѣ же, въ чемъ именно, повторяемое г. Ростиславомъ съ такимъ торжествомъ, «изобличеніе» меня въ незнаніи даже основаній музыкальной науки?

Г. Арнольдъ, въ этомъ случаѣ, *поосторожнѣе*; онъ вообще только намекнулъ на мое незнаніе, предоставивъ себѣ «разобрать мой курсъ подробно», когда онъ будетъ *напечатанъ*.

Заранѣе дрожу передъ грознымъ и столько-ученымъ критикомъ!

Какъ прежде, когда я помѣщалъ въ Вѣстникѣ статьи по части музыкальной техники (неоконченные мною *тогда*, потому что я намѣревался прочитать тотъ же курсъ въ видѣ публичныхъ лекцій, и въ другой нѣсколько формѣ), такъ и теперь, г. Ростиславъ очень любитъ упрекать меня «компилаторствомъ». Но въ чемъ же тутъ «обвиненіе» или «упрекъ».

Объяснимся.

Развѣ я общалъ именно напередъ, что *всѣ свѣдѣнія*, которыя желаю преподавать, будутъ *новыя, несмысленныя*?—Пусть г. Ростиславъ назоветъ мнѣ *такой* курсъ музыки, ея теоріи и исторіи, въ которомъ бы преподаватель *все изобрѣталъ изъ своей головы*?—Матеріалы каждой науки, конечно, *уже существуютъ* прежде каждаго новаго преподаванія. Дѣло въ томъ только, чтобы *воспользоваться* этими матеріалами, сгруппировать ихъ логически, въ органической естественной свя-

зи. Разбирайте эту группировку, эту связь,—критикуйте ее, нападайте на нее,—она мнѣ принадлежитъ и я за нее отвѣчаю;—но трогать самые *матеріалы* и находить *компиляцію* въ курсѣ *потому* только, что въ немъ встрѣчаются предметы *очень извѣстные*, это способъ разсужденій—дѣтскій.

Всякая на свѣтѣ грамматика, по системѣ г. Ростислава, будетъ «компиляція»,—потому что въ ней непремѣнно встрѣтятся *тѣ же* самыя склоненія и *и* спряженія, какъ и въ другихъ грамматикахъ того же даннаго языка.

Наконецъ и *вся* литература будетъ «компиляціей» изъ словъ и рѣченій весьма извѣстныхъ. Дѣло въ томъ, что изъ тѣхъ же рѣчей, тѣхъ же словъ, тѣхъ же буквъ одного и того же языка «компилируется» иногда поэма—Пушкина, иногда—статья г. Ростислава.

Въ нынѣшней бесѣдѣ, противникъ мой, какъ я уже замѣчалъ, по обыкновенію своему переливаетъ *изъ пустаго въ порожнее* (лишь бы—стрѣлять, палить,—а чѣмъ, какъ, куда—все равно! извѣстная политика тѣхъ, кому плохо приходится). Чего, чего тутъ пѣтъ! И Мейерберъ, и длинные волосы Листа, и мон—ему въ честь и въ угоду, (!) и *причина* (?) моихъ поѣздокъ за границу прошлымъ и нынѣшнимъ лѣтомъ, и отрывки изъ моихъ статей, съ искаженіемъ ихъ смысла произвольнымъ «урываніемъ и выкраиваніемъ» цитатъ, и война моя противъ авторитетовъ, и вѣчный шармадный припѣвъ «отсталыхъ фелетонистовъ, когда они защищаютъ прежнюю музыку противъ современнаго искусства и современной критики (припѣвъ извѣстенъ: Чимароза, Паззиелло, Моцартъ, Гайднъ, Россини etc. etc. etc. Grande fanfare,—Pauken und Trompeten!!), и Мендельсонъ съ его мелодичностью, и Вагнеръ, и Фетисъ (все въ одинъ мѣшокъ!).

Кстати о Фетисѣ. Отдавая справедливость, что мнѣ «посчастливилось» (при совершенномъ моемъ невѣжествѣ по музыкѣ) *доказать* Фетису его оплошность насчетъ Глинки, г. Ростиславъ прибавляетъ, что и тутъ мои заслуги далеко «неудовлетворительны», потому что я, *по недостатку свѣдѣній*, не могъ сдержать своего обѣщанія: «изобличить несамостоятельность и ошибки знаменитаго ученаго въ другихъ его громадныхъ работахъ». Когда увидите г. Ростислава, потрудитесь сообщить ему, при поклонѣ отъ меня, что онъ и въ настоящемъ случаѣ *сильно* заблуждается. Обѣщанія своего, (въ статьѣ Норда, 6 іюля 1858), я до сихъ поръ не выполнилъ единственно потому, что *не успѣлъ* окончить этой работы, заготовляемой мною для французской Академіи Наукъ. (Mémoire sur quelques harmonies de Beethoven critiquées comme vicieuses). Быть можетъ, надъ этою «запискою» я тружусь долѣе, нежели г. Ростиславъ трудился надъ своимъ «Birichino di Parigi», — по «вѣдь не всѣмъ же быть гениями» — прибавите вы въ утѣшеніе г. Ростиславу.

А вамъ я скажу напередъ, что въ трудахъ Фетиса, по гармоніи и критикѣ, касательно именно «Бетховена», если есть что «громаднаго», то—однѣ *ошибки*. «Изобличить» ихъ передъ музыкальнымъ свѣтомъ будетъ для меня также не трудно, какъ, напримѣръ, *доказать здѣсь*, что г. Ростиславъ не умѣетъ отличать *мажора* отъ *минора*, не знаетъ ни *мажорной*, ни *минорной* терціи. Въ прошлой статьѣ, какъ я кажется замѣчалъ уже, онъ называлъ второе тріо Мендельсона: en mi-bémol *мажоръ*, а оно въ Ut-mineur (C-moll); а въ нынѣшней статьѣ, въ послѣднемъ ея столбцѣ увѣряетъ, что въ *мажорной* терціи пять *полутоновъ* (!!), а въ *минорной*—четыре *полутона* (!!). Сочтемте: мажорная терція, напримѣръ C—E, отъ c до cis—одинъ полутонъ. отъ cis до d—

другой, отъ *d* до *es* (или *dis*) — третій, отъ *es* (или *dis*) до *e* — четвертый; итого (хоть безъ математики, по пальцамъ) въ мажорной, то-есть большой терціи, — *четыре полутона*; въ минорной, малой, однимъ полутономъ меньше, — значить, *три полутона*. Не потрудится ли г. Ростиславъ доказать намъ, что онъ сосчиталъ *правильно*, т. е. что дважды два — пять? — Или, не сошлется ли онъ на наборщика въ типографіи Сѣверной Пчелы? — Но вѣдь дважды два все-таки будетъ четыре, а выкладка въ статьѣ г. Ростислава набрана *буквами*, а не цифрами. Полюбуемся, какъ-то онъ будетъ вывертываться. Въ *эстетикѣ* и *критикѣ*, въ приговорѣ о послѣднихъ квартетахъ Бетховена, въ разглагольствіи о мелодичности, о Вагнерѣ и т. д. г. Ростиславъ грѣшитъ противъ дѣла и его смысла *не меньше*, какъ въ счетѣ полутоновъ; только доказательства съ моей стороны были бы длинны и утомительны для меня и читателей. Стоить ли трудиться!!

За *безграмотствомъ*, мнѣ слѣдовало бы просить кого-нибудь подписать письмо, или поставить три крестика, но, чтобы вы не усомнились, *отъ кого* это письмо, подписываю:

А. СБРОВЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПЕРЕВОДЫ ДРАМЪ ШЕКСПИРА: «Антоній и Клеопатра» и «Юлій Цезарь», г. Фета; сцены изъ «Отелло» г. Вейнберга. — «Губернскія и уѣздныя сцены» г. **.

(«Русское Слово» за февраль, «Библиотека для чтенія» за мартъ и май и «Современникъ» за апрѣль.)

Литература наша вообще бѣдна переводами иностранныхъ классиковъ, можетъ быть, влѣдствіе трудности хорошаго перевода на нашъ языкъ съ другихъ языковъ, болѣе выработавшихся для выраженія тончайшихъ движеній сердца и отвлеченныхъ представленій ума. Особенно Шекспиръ, несмотря на то, что почитается отцемъ современной драмы, имѣлъ самое ничтожное мѣсто въ нашей переводной драматической литературѣ, такъ что мы были гораздо богаче переводами древне-греческихъ комедій и ложно-классическихъ произведеній извѣстной французской эпохи.

Поэтому переводы г. Фета двухъ колоссальныхъ произведеній Шекспира имѣютъ полное право на вниманіе публики и на долю значенія въ нашей переводной литературѣ.

Переводы драмъ Шекспира г. Кетчера, отличаются вѣрностію передачи подлинника, что имѣетъ большое значеніе для изученія духа произведеній гениальнаго драматурга; но они слабо передаютъ творческія и литературныя красоты тѣхъ произведеній.

Согласить и то и другое въ переводѣ и притомъ согласить такъ, чтобы языкъ и формы рѣчи были вполнѣ современны, — вотъ трудная задача перевода классическихъ произведеній чужихъ литературъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія переводы г. Фета, нельзя сказать, чтобы они много удовлетворяли требованію, которое мы высказали; но въ нихъ есть мѣста истинно поэтическія и передающія всю силу красотъ шекспировскихъ драмъ. Переводы г. Фета, поэтому, читаются легче, нежели переводы Кетчера.

О переводѣ г. Вейнберга нѣсколькихъ сценъ изъ «Отелло» можно сказать только то, что переводъ этотъ отличает-

ся гладкимъ (по довольно слабымъ) стихомъ, удовлетворяющимъ вполнѣ современности вкуса въ языкѣ и оборотахъ рѣчи.

Губернскія и уѣздныя сцены. Первая сцена изображаетъ пріемъ просителей начальникомъ губерніи, а вторая — пріѣздъ его на ревизію въ уѣздный городъ.

Извѣстно, что чѣмъ индивидуальнѣе поставленъ человѣкъ въ обществѣ, тѣмъ самобытіе бываетъ его нравственное развитіе; напримѣръ, въ Англіи самобытіе эта доходитъ до границъ самой рѣзкой оригинальности и эксцентричности; у насъ самобытіе нравственнаго развитія условливается той или другой ступенію, которую занимаетъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ. Конечно бываютъ исключенія изъ этого правила, но мы говоримъ только объ общихъ явленіяхъ. Такъ, чѣмъ выше эта ступень, тѣмъ возможнѣе самобытіе развитія. Этимъ объясняется то, что рѣзкіе и оригинальные характеры рѣдко встрѣчаются въ массахъ, которыя носятъ какъ бы одну общую для всѣхъ фізіономію, и напротивъ оригинальность и особенность характеровъ имѣютъ полное право гражданства между высшими общественными слоями. Тамъ типы, въ полномъ значеніи слова, уже почти невозможны, надо взглянуть слишкомъ глубоко въ патуру, развившуюся индивидуально, чтобы отдѣлнить черты типовыя отъ чертъ чисто-оригинальныхъ. Если, для изображенія такихъ личностей, писатель будетъ пристрастенъ къ одной какой либо изъ этихъ сторонъ, то изображеніе будетъ не полно и, болѣею частію, не вѣрно дѣйствительности.

Въ послѣднее время, въ литературѣ нашей начали появляться портреты разныхъ личностей высшей нашей губернской администраціи. Эти портреты — вещь совершенно новая для насъ. До сихъ поръ намъ изображали членовъ высшихъ общественныхъ слоевъ только въ ихъ частной жизни, а эти новые портреты касаются жизни общественной въ широкомъ значеніи этого слова, въ которой нравственная фізіономія изображаемаго лица и вообще его характеръ всегда выражается полнѣе и ярче.

Мы выше говорили, что у насъ самобытіе нравственнаго развитія условливается ступенію общественной лѣстницы и замѣтимъ теперь, что, влѣдствіе того, повѣйшіе портреты изъ сферы высшей губернской администраціи должны носить непременно характеръ оригинальности. Поэтому естественно, что, напримѣръ, личность, подобная изображенной въ *губернскихъ и уѣздныхъ сценахъ*, можетъ показаться невѣрной дѣйствительности. Но мы должны припомнить, что если бы кому-нибудь пришла счастливая мысль изобразить разомъ пятьдесятъ или шестьдесятъ такихъ личностей, современныхъ намъ и дѣйствующихъ въ разныхъ частяхъ нашего отечества, то каждая изъ этихъ личностей имѣла бы свой особенный оригинальный характеръ и каждая въ свою очередь, можетъ быть, показала бы невѣрною дѣйствительности.

Примѣръ этому мы сейчасъ увидимъ въ *сценахъ*.

Прежде всего замѣтимъ, что *начальникъ губерніи* — изъ числа добросовѣстныхъ. Къ нему является чиновникъ, просящій объ опредѣленіи его на должность частнаго пристава.

«Очень радъ, говорить его пре-во. Были вы подъ судомъ? «Никакъ нѣтъ-съ, ваше пре-во, помилуйте!» отвѣчаетъ чиновникъ.

«Не могу, мой почтеннѣйшій, не могу!... На эти должности надобно людей *опытныхъ*!... Вы понимаете? Опытный

—будеть остороженъ, а новичекъ — начистъ тотчасъ брать обѣими руками... очень жаль, но не могу, извините! (дѣлаетъ головой прощальный знакъ.)

Затѣмъ является офицеръ, прибывшій съ партией къ переправѣ на рѣкѣ. Переправиться было невозможно и пришелъ доложить объ этомъ начальнику губерніи, отвѣчаетъ ему слѣдующей великолѣпной

«Вы, конечно, мой любезнѣйшій, знаете отечественную исторію? Каждый сынъ отечества, каждый гражданинъ, а въ особенности военный офицеръ (встаетъ, выпрямляется и рукой дѣлаетъ жестъ, указывая на офицера), защитникъ отечества и гроза враговъ его, — конечно, знаетъ исторію! Такъ ли?... Вотъ, въ древніе годы, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и вы сами находите теперь переправу невозможную, великій князь русскій Олегъ на пути къ Царьграду встрѣтилъ препятствіе къ переправѣ. Никакой переправы! Ни моста, ни паромы, ни лодки... Понимаете? Великій князь удалился, — тогда еще, знаете, не было губернаторовъ, — но скоро опять подошелъ, неся на головѣ челнокъ! Понимаете? Спустилъ челнокъ на воду — и былъ на той сторонѣ. Невозможное стало возможнымъ! Извините!»

Надъ этимъ мѣстомъ читатель можетъ посмѣяться, если вспомнить, что на челнокъ нельзя же было офицеру перевести партію.

Далѣе, дама въ сотый разъ обращается съ просьбой по своему дѣлу, которое передано въ губернское правленіе, гдѣ оно и лежитъ.

«Сударыня, извините!, говоритъ его пре-во. Я все сдѣлалъ, передалъ куда слѣдуетъ: обратитесь въ губернское правленіе.

«Сто разъ обращалась, говоритъ дама, ничего не хотятъ сдѣлать... и васъ не слушаютъ!...

«Въ такомъ случаѣ, сударыня, мнѣ остается только сожалѣть и... плакать съ вами въ одну урну! Извините! (Этимъ словомъ его пре-во оканчиваетъ, обыкновенно, всѣ свои объясненія съ просителями.)

Объясненіе съ чиновникомъ, представляющимъ къ подписанію его пре-ва вѣдомость о происшествіяхъ, — то же рѣзкая черта личности.

«Это вы писали? спрашиваетъ начальникъ губерніи; слушайте: (читаетъ вслухъ) «Происшествіе объ убійствѣ въ дракѣ на постояломъ дворѣ крестьянина помѣщицы, тайной совѣтницы N...» Что это за происшествіе?

«Такъ означено происшествіе въ донесеніи земскаго суда, отвѣчаетъ чиновникъ.

«Земскій судъ — глупъ, мой любезнѣйшій! продолжаетъ начальникъ губерніи. Слушайте внимательно: «Убить крестьянина помѣщицы N...» Кто эта помѣщица? это тайная совѣтница, — а? супруга товарища министра и, можетъ быть, будущаго министра!!! понимаете? Въ такую скандальную исторію, какъ убійство пьянаго мужика, впутывать имя такого лица!! Нѣтъ, мой любезнѣйшій, неосторожно и крайне опрометчиво!... Нѣтъ, надо измѣнить! Напишите такъ: «Происшествіе объ убійствѣ въ дракѣ, на постояломъ дворѣ, крестьянина одной сосѣдней помѣщицы...»

Оригиналенъ и наивенъ начальникъ губерніи въ сценахъ и всего болѣе въ слѣдующей:

Когда чиновникъ докладываетъ, что пришла «строительная коммисія», начальникъ губерніи быстро схватываетъ стоящій въ углу синій дождевой зонтикъ, ставитъ стулъ среди зала, садится и распускаетъ надъ собой зонтикъ.

«Прошу, господа, — потрудитесь взглянуть, обращается его пре-во къ вошедшимъ: я — начальникъ губерніи! у меня есть строительная коммисія, въ которой, замѣтите, я председатель! Строительная коммисія, какъ извѣстно, строить, починять и печется о поддержаніи въ порядкѣ зданій. Я — начальникъ губерніи, живу въ казенномъ губернаторскомъ домѣ... и вотъ, какъ видите сами, сижу у себя подъ зонтикомъ!...» Все дѣло въ томъ, что въ домѣ оказалась течь и его пре-во обращается къ членамъ строительной коммисіи, чтобы крыша была исправлена. Но онъ боится подписать смѣту, которая ему давно уже представлена, и совѣтуетъ чиновникамъ подселунуть ее къ подписанію вице-губернатору, который «похвалитъ меня, говоритъ его пре-во, и не боится вашихъ смѣтъ.»

Въ уѣздномъ городѣ на ревизіи, продолжаютъ не менѣе комичныя сцены. Въ ратушѣ начальникъ губерніи увидѣлъ, что прихода-расходная книга совсѣмъ бѣлая, потому что, какъ объяснилъ секретарь, ведется въ теченіи года другая черновая, изъ которой послѣ и переписываютъ набѣло въ другую книгу.

«Понимаю, мой любезнѣйшій! Вы заботитесь о чистотѣ и опрятности книги? Похвальная заботливость. Книга дѣйствительно бѣлая и чистая! Благодарю за чистоту, образцовая чистота! (Обращаясь ко всѣмъ, продолжаетъ) Вотъ, господа, я сейчасъ вѣзжаю въ вашъ городъ, слышу неприятный запахъ; — откуда? не знаю: думаю, должна быть гдѣ-нибудь падала или бойни близко!... Подвигаюсь впередъ — больше смердитъ!... Тутъ острогъ, думаю, — можетъ быть оттуда?... Буду еще дальше въ городъ — еще больше смердитъ! Вѣроятно, я думаю, помойная яма!... Хотѣлъ замѣтить это г. городничему... Но подвигаюсь дальше сюда, къ ратушѣ, — еще больше смердитъ!... Вхожу къ вамъ въ ратушу — еще и еще больше... нестерпимый запахъ! (Встаетъ, зажимаетъ носъ лѣвою рукою, а правою показываетъ на секретаря) Это душа этого человѣка смердитъ, хотя книга у него и чиста!... Я не могу выносить, не могу здѣсь быть... я сотру его съ лица земли!...

Во всѣхъ сценахъ начальникъ губерніи объясняется со всѣми чрезвычайно оригинальнымъ способомъ. Въ этомъ заключается и достоинство самой пьесы, (содержаніе которой, говоря вообще, довольно слабо; въ языкѣ же много живости, бойкости и самого легкаго, граціознаго юмора.

На вопросъ, вѣренъ ли начальникъ губерніи дѣйствительности, мы отвѣтимъ началомъ нашей рецензіи, т. е., что самобытность нравственнаго развитія и свободное проявленіе воли, убѣжденій и проч., допускаетъ возможность крайней оригинальности и даже эксцентричности, а эти качества, какъ мы видимъ, часто уживаются съ дѣйствительностію.

А. Г.—ВЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Письмо изъ Полтавы. — Нѣсколько словъ нашего полтавскаго корреспондента г. Ростиславу. — Парижскіе театры. — Театръ Роже. — Процессъ балетмейстера Рота. — Иоанна д'Аркъ. — Нормальный диапазонъ. — Книга Т. Готье. — Пикколомини въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. — Театры въ Нью-Йоркѣ.

Начинаемъ нынѣшнія вѣсти наши снова Полтавой, но на этотъ разъ, будемъ говорить только о театальной дѣятельности этого города. Вотъ что пишетъ намъ нашъ полтавскій корреспондентъ о тамошнихъ спектакляхъ: «Весен-

ний сезонъ у насъ въ особенности богатъ бенефисами дотого воздушными, что и слабая рука рецензента не смѣетъ коснуться ихъ, боясь, чтобы они не разрушились. Дѣло другое бенефисъ придворной (!) артистки (!) Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ, Васи ъвой; о немъ мы рѣшаемся сказать нѣсколько безпристрастныхъ словъ.

Для своего бенефиса, придворная артистка выбрала драму: «Два рода безумія», комедію: «Жена кавалериста» и водевилъ «Мокрая курица.» Уже одинъ выборъ піесъ не говоритъ въ пользу бенефициантки. Будь это бенефисъ какой-нибудь изъ нашихъ артистокъ: Соболевой, Кирьяковой, или въ родѣ того, мы сказали бы, что онъ сошелъ вполнѣ хорошо; но когда идетъ рѣчь о придворныхъ артистахъ, то мы хотимъ быть нѣсколько строже. Драма «Два рода безумія» — довольно пустая по содержанію, характеры не выдержаны и не окуплены. Г-жа Васильева занимала роль вдовы Холминой, матери жены Дольскаго (Соболевой). Г-жа Васильева и радовалась, и плакала, и стонала, и впадала въ безуміе, выздоравливала и опять радовалась; но все это было неестественно, натянуто, и не производило на зрителя никакого впечатлѣнія. На слезы и горе г-жи Васильевой мы смотрѣли равнодушно; вообще всѣ драматическія сцены въ піесѣ прошли вяло и слабо. Г-жа Соболева была, какъ всегда, плоха. Ѳедоровъ, въ роли Дольскаго, былъ ниже всякой посредственности. Васильевъ былъ бы хорошъ въ роли маляра, еслибъ менѣе фарсировалъ. Изъ этой піесы мы окончательно убѣдились, что г. и г-жа Васильевы созданы не для драмы; ихъ мѣсто въ водевиляхъ. И дѣйствительно, роли: Наумича въ «Женѣ кавалериста» и Горлицына въ «Мокрой курицѣ», Васильевъ исполнилъ артистически. Г-жа Васильева, Доброславскій и Капиловъ также были на своихъ мѣстахъ. Остается еще сказать нѣсколько словъ о д-цѣ Гейбовичъ. — Г-жу Гейбовичъ мы видѣли въ разныхъ піесахъ и замѣтили, что она любитъ свое искусство, хорошо учитъ роли, пропикаетъ иногда смыслъ ихъ, но для нея необходима лучшая дикція и больше экспрессіи. На другой день послѣ этого бенефиса, полтавская труппа отправилась въ Ромны на ярмарку, откуда потомъ хотя и возвратилась, но не вся, и спектакли еще не начинались. 26-го мая, гг. Васильевы, Соболева и Кирьякова, оставивъ труппу, уѣхали безъ согласія антрепренера, для котораго новая бѣда: не успѣлъ еще кончиться процессъ съ Г. Ф., а тутъ надо заводить новый. Онъ такъ и сдѣлалъ: подалъ жалобы на своихъ артистовъ въ роменскую полицію и губернатору. Ожидаютъ на Ильинскую петербургскихъ артистовъ.

«Позвольте теперь обратиться къ другому предмету, продолжаетъ нашъ полтавскій корреспондентъ. Г. Ростиславъ, фельетонистъ («Сѣверной Пчелы», въ полемикѣ съ Т. и М. Вѣстникомъ, наввалъ сотрудниковъ этого журнала *пустословами, ни къ чему неспособными, критиками-самозванцами*. Столичные сотрудники Вѣстника, частію сами за себя, а частію редакція, отвѣчали г. Ростиславу, дошла очередь и до провинціаловъ. Мы не будемъ распространяться, а скажемъ только слѣдующее:

Сравнивая съ 1856 г. отзывы Ростислава о Вѣстникѣ и видя въ нихъ то похвалы, то брань, убѣждаемся, что г. Ростиславъ составляетъ свои рецензіи не по внушенію справедливости, а по вліянію обстоятельствъ, — лучше сказать: *мастеръ на всѣ руки, и нашихъ и вашихъ*.

Г. Ростиславъ нападаетъ на А. Н. Сѣрова за отзывы о «Мазепѣ.» Мы читали объ этомъ предметѣ отзывы всѣхъ газетъ и журналовъ, и нашли ихъ согласными съ отзывами г.

Сѣрова. Г. Ростиславу хотѣлось, чтобы и г. Сѣровъ смотрѣлъ его глазами на вещи; но вспомните, г. Ростиславъ, слова не самозванца-критика, Бѣлинскаго: «только слабая и болѣзненная души находятъ въ дѣйствительности бѣдствія; души же нормальныя и крѣпкія находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣйствительности». Опять неудивительно, если слабая и болѣзненная душа Ростислава слабо и болѣзненно смотритъ на предметы!.. Довольно!..»

Тѣмъ кончается письмо нашего корреспондента, занявшее половину нашей статьи, поэтому ограничимся вкратцѣ прочими вѣстями.

Послѣдняя побѣда Французовъ при Сольферино отпраздновалась въ Парижѣ съ немепшимъ великолѣпіемъ, какъ и предыдущія; всѣ театры были иллюминированы и пропѣты кантаты. Политическія событія рѣшительно завладѣли всѣми умами и отодвинули на задній планъ литературную и драматическую дѣятельность. Французскій Театръ поддерживается возобновленными піесами, оставляющими мимолетное впечатлѣніе въ зрителяхъ, хотя и не лишенными интереса! Одеонъ закрылъ свои двери и будетъ отдыхать до осени. — Водевиль ограничивается старыми піесами и водевилями. «Вторая юность», Юшара, была послѣдняя піеса, произведшая впечатлѣніе на партеръ и расшевелившая критику. Приготавливаются возобновить драму покойнаго Бальзака: *La marâtre*, а Гимназія другую его піесу: «*Paméla Giraud*.» Къ осени разучиваютъ на сценѣ Гимназіи новую комедію А. Дюма-сына: «*le Père-prodiges. Variétés* привлекаетъ публику смѣшнымъ водевилемъ «*Le petit*,» гдѣ главную роль занимаетъ карликъ, знаменитый Томъ Пусъ, Rouset; съ большимъ успѣхомъ, въ противоположность карлику, является великанъ-людодѣдъ, въ лицѣ актера Тиссье, обладающаго колоссальнымъ ростомъ, которому завидуютъ всѣ парижскіе тамбуръ-мажоры. — На театрѣ Bouffes Parisiens явилась новая оперетка Оффенбаха: «*le Mari à la porte*.»

Носятся слухи, что теноръ Роже оставляетъ сцену Большой Оперы, послѣ десятилѣтней службы. Роже долгое время былъ любимцемъ публики и съ успѣхомъ создалъ роли: Іоанна Лейденскаго въ «Пророкѣ», первыя партіи «въ Блудномъ сынѣ», «Вѣчномъ жидѣ», «Геркуланумѣ», «Гугенотахъ», и др.

Въ газетѣ *Entr'acte* пишутъ: «Мери окончилъ либрето новой оперы, подъ названіемъ: «Іоанна д'Аркъ, а музыку сочиняетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ композиторовъ.» Этотъ знаменитый композиторъ, котораго *Entr'acte* не называетъ, ужъ не Россини ли? Поживемъ — увидимъ!

Мы уже писали, въ нашихъ вѣстяхъ, что извѣстный парижскій хореграфъ Рота пишетъ балетъ для Розати. Узнавъ объ ангажементѣ этой танцовщицы въ Петербургъ, Рота не хотѣлъ отдать главную роль другой танцовщицѣ и вслѣдствіе этого завязался процессъ между хореграфомъ и директоромъ Большой Оперы; судъ приговорилъ Рота къ уплатѣ 10 тысячъ фр. судебныхъ издержекъ, если не согласится отдать роль другой танцовщицѣ, или не напишетъ другаго балета къ назначенному сроку.

Въ скоромъ времени будетъ публичный экзаменъ въ Парижской консерваторіи; *Жанно и Коленъ*, Николо, и одинъ актъ *Графа Ори* будутъ исполнены учениками различныхъ классовъ пѣнія и декламации.

Государственный министръ издалъ слѣдующій приказъ, по поводу нормальнаго діапазона; во 1) каждый образецъ нормальнаго діапазона, установленнаго 25-го февраля 1859 г., долженъ быть снабженъ штемпелемъ, изображающимъ лпу

съ двумя буквами D и N (diapason normal). Вѣрными будутъ считаться только такимъ образомъ штемпелеванные діапазоны. 2) Верификація и приложение штемпеля будутъ производиться профессоромъ музыки г. Лиссажу, въ нарочно для того устроенной залѣ парижской консерваторіи пѣнія и декламации, гдѣ находится образецъ діапазона. 3). Вышеупомянутый штемпель дозволяется накладывать на стальной діапазонъ съ паралельными вѣтвями, подобными моделямъ, выставленнымъ въ консерваторіи. Антонъ Григорьевичъ Контскій пріѣхалъ въ Парижъ и отправляется на-дняхъ въ Лондонъ; къ зимѣ его ждутъ снова въ Парижъ.

Недавно вышло изъ печати полное собраніе драматическихъ фельетоновъ Теофили Готье, подъ названіемъ: «Histoire de l'art dramatique depuis vingt-cinq ans.»

Пикколомини возвратилась изъ Америки въ Лондонъ и тотчасъ же приняла ангажементъ на Дрюриленскій Театръ, на которомъ производитъ фуроръ г-жа Титъенсъ. Недавно эта пѣвица была вызвана безсчетное число разъ, за роль Валентины въ «Гугенотахъ»; ей съ успѣхомъ содѣйствовали г-жа Бранбилла, пѣвцы Джульнини и Марини. На Ковентгарденскомъ Театрѣ представленъ «Отелло» съ г-жей Гризи, Тамберликомъ, Ронконни, Нери-Баральди и Тальяфико. — Гризи—престарая Дездемона, а Тамберликъ, если вѣрить англійской газетѣ «Musical World», произвелъ самый посредственный эффектъ своимъ знаменитымъ ut-дизомъ. — Но не всякому слуху вѣрь, говоритъ очень справедливо русская пословица. Вотъ что пишетъ американскій корреспондентъ газеты Revue des théâtres, о пребываніи Пикколомини въ Америкѣ. «Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Парижѣ, Пикколомини одни превозносили до небесъ, а другіе сильно преслѣдовали. По моему мнѣнію, обѣ стороны преувеличиваютъ. Какъ пѣвица, Пикколомини далеко не безукоризненна, но все же хорошо знаетъ музыку и очень легко вокализируетъ; актриса же она отличная,—только не совѣтуемъ ей братья за трагическія роли въ родѣ Полины въ «Поліевктѣ». Въ самыхъ сильныхъ драматическихъ сценахъ ей недостаетъ величія; она взываетъ къ богамъ о мщеніи маленькими подергиваніями головы или плечъ, которыя очень милы въ роляхъ «Норины», «Амины», но не идутъ къ величавой «Полинѣ». Но зато въ «Травіатѣ», «Любовномъ напитокѣ», «Донъ Жуанѣ», «Донъ Паскале», Пикколомини очень хороша.

«Г-жа Вильгоретъ попрежнему симпатична въ роли Эльвиры въ «Пуританахъ»; она дѣлаетъ быстрые успѣхи и очень любима своими соотечественниками; Кортези дебютировала въ «Сафо.» Эта пѣвица принадлежитъ къ школѣ Верди и вѣроятно будетъ пользоваться большою популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ.

Французская труппа въ Нью-Йоркѣ ведетъ довольно удачно свои дѣла. Труппа составлена хорошо и разнообразитъ свой репертуаръ. Въ бенефисъ г. Лаба давали драму Дюмасына: «la Dame aux camelias»; пѣса очень понравилась Американцамъ.»

Воспоминанія музыканта

Адольфа Адама

БЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ *).

Я родился въ Парижѣ 24-го іюня 1803 г. Мать моя была дочь извѣстнаго въ то время доктора Т. Коста, наружностью и одеждою такъ сильно походившаго на доктора Парталя, что оба собрата по званію называли другъ-друга близнецами.

(*) Эти записки не были назначены для печати, Адамъ написалъ ихъ для себя, но мы полагаемъ, что они могутъ показаться занимательными послѣ смерти почтеннаго композитора, по крайней мѣрѣ въ біографическомъ отношеніи.

Отецъ мой, основатель фортепیانной школы во Франціи, родился въ 1758 г. въ Миттернелцѣ, небольшомъ селеніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Страсбурга. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ 15-ти лѣтъ (при моемъ рожденіи ему уже было 45 лѣтъ). Въ то время, фортепіанисты считались рѣдкостью въ Парижѣ,—не мудрено, что отецъ мой вошелъ скоро въ извѣстность и сохранилъ ее до окончанія своей долгой карьеры. Другъ и protégé Глюка, онъ перекладывалъ на фортепیانно, почти всѣ оперы этого знаменитаго маэстро. Отецъ мой женился очень рано, на дочери одного музыкальнаго издателя, и чрезъ годъ послѣ брака потерялъ свою молодую жену. Во время революціи, онъ женился во второй разъ, на сестрѣ маркиза Лувуа. Отъ этого брака родилась дочь, которая еще жива и замужемъ за отставнымъ инженернымъ полковникомъ, живущимъ въ Анжонѣ. Второй бракъ моего отца не былъ счастливымъ; онъ скоро развелся съ женой, которая вышла замужъ за графа Ганна и умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Третій бракъ отца былъ счастливымъ, и юность моя протекала въ довольствѣ. Мать моя принесла въ приданое сто тысячъ фр., отецъ съ своей стороны, будучи моднымъ фортепіаннымъ преподавателемъ имперіи, имѣлъ также состояніе. Всѣ знаменитости той эпохи посѣщали нашъ домъ, въ томъ числѣ и графъ Ласнедъ, большой любитель музыки.

Семи лѣтъ отъ роду я не умѣлъ читать, не хотѣлъ ничему учиться, даже музыкѣ: единственнымъ моимъ удовольствіемъ было бречать на фортепیانно все что приходило въ голову. Мать моя была въ отчаяніи отъ моей неспособности и съ горя, рѣшилась отдать меня въ извѣстный въ то время пансіонъ Гюкса, въ которомъ воспитывался и Герольдъ.

Мнѣ было очень тяжело перейти отъ веселой жизни въ отцовскомъ домѣ, гдѣ всѣ меня ласкали, къ строгимъ правиламъ учебнаго заведенія. Я помню что въ тотъ день, когда я въ первый разъ вошелъ въ классъ, одинъ ученикъ склонялъ мѣстоимѣніе Quivis, quaevis, quodvis, и эти варварскія слова заставили меня задрожать отъ ужаса. Вообще я сохранилъ такое непріятное воспоминаніе объ своемъ училищѣ, что двадцать лѣтъ по выходѣ изъ него, когда уже я женился и писалъ много произведеній, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ, мнѣ часто снился учебная зала и я просыпался дрожа какъ въ лихорадкѣ, облитый холоднымъ потомъ. Отецъ мой былъ въ душѣ роялистъ, хотя пользовался покровительствомъ императорскаго двора, и преподавалъ музыку дѣтямъ Мюрата и другихъ сановниковъ имперіи; поэтому мнѣ болѣе памятливы дурныя стороны имперіи, чѣмъ великолѣпіе этой блестящей эпохи. Мнѣ минуло пять лѣтъ, когда у меня родился еще братъ. Мать нѣжно любила насъ обоихъ и сильно онагалась за насъ въ то смутное время. Отецъ мой, страстно любившій жену и тратившій на ея удовольствія всѣ свои доходы, потерялъ почти всѣхъ своихъ учениковъ, когда непріятельскія войска окружили Францію; осталось только жалованіе консерваторіи и уроки въ двухъ женскихъ пансіонахъ.

Запятіе Парижа союзными войсками отпраздновалось для насъ семействомъ какъ великое торжество. Я помню, что въ день вступленія войска въ нашу столицу, отецъ мой повелъ меня и брата на бульваръ; тутъ передъ нами проѣхалъ Россійскій Императоръ съ другими государями и ихъ войска; у каждаго солдата на киверѣ была вѣтка зелени. Женщины въ окнахъ махали платками, народъ съ восторгомъ встрѣчалъ новоприбывшихъ. Подобный энтузіазмъ былъ очень понятенъ, когда приходилось вспоминать объ ужасахъ, производимыхъ непріятельскими войсками въ провинціи; Парижане не вѣрили

себѣ, когда послѣ кровавой бури настала тишина и спокойствіе.

Однако разстройство дѣлъ моего отца заставило его многое измѣнить въ своемъ домѣ. Пансіонъ г. Гикса, въ которомъ за меня платили 1,200 фр. въ годъ, оказался слишкомъ дорогимъ и меня отдали, къ великой моей радости, въ пансіонъ г. Герсена въ Бельвилѣ. Въ пансіонѣ г. Гикса я бралъ уроки на фортепіано у Генриха Лемуана, ученика моего отца, у Герсена меня учила музыкѣ его дочь, прехорошенькая молодая дѣвушка, которая сперва вышла замужъ за композитора Бенникорн, а потомъ за графа Бушеле, превосходнаго музыканта и страстнаго любителя музыки.

Мои успѣхи въ латинскомъ языкѣ были не очень значительны; Виргилій, Гораций, Овидій, никогда не могли мнѣ правиться; то же самое было и въ парижскомъ пансіонѣ г. Буте, куда я поступилъ приходящимъ.

Въ концѣ года, я подружился съ такимъ же лѣнивымъ ученикомъ какъ самъ, который сдѣлался въ послѣдствіи ужаснымъ скрягой, благодаря нашей дружбѣ: это былъ Евгений Сю; наше любимѣйшее занятіе было воспитаніе индѣйскихъ свинокъ (cochons d'Inde).

Однако я съ трудомъ выпросилъ у отца позволеніе изучить теорію сочиненія. Одинъ пріятель моего отца, по имени Видерксеръ, далъ мнѣ первые уроки гармоніи. Я дѣлалъ быстрые успѣхи, потому что занимался съ любовью музыкою. Подобно многимъ читателямъ, что я очень рано началъ жить и въ то время имѣлъ уже любовницу, швею, жившую противъ нашего дома. Утромъ, когда должны были начаться классы въ коллегіи, я, вмѣсто училища, шелъ къ своей возлюбленной и занимался у нея музыкой, между тѣмъ какъ всѣ думали, что я въ классахъ. Экономъ былъ очень радъ, что оставалась лишняя порція обѣда, за который ему исправно платили, а профессоръ нисколько не безпокоился объ отсутствіи ученика, котораго зналъ только по имени. Мой бѣдный отецъ всю жизнь свою не подозрѣвалъ, что я изучилъ реторику и философію въ рабочей комнаткѣ гризетки.

Я страстно любилъ играть на органѣ. Бенуа, преподаватель этого инструмента въ консерваторіи и ученикъ моего отца, съ радостью принялъ меня въ свой классъ. Я хорошо импровизировалъ, но съ трудомъ принуждалъ себя играть фуги и другія подобныя піесы, которыя находилъ и даже нахожу вовсе незанимательными. Только-что я вступилъ въ консерваторію, какъ одинъ мой товарищъ, не многимъ старше меня и рететиторъ сольфеджій, просилъ меня на время занять его мѣсто; этого товарища звали Галеви. Я съ необыкновенною самоуверенностію занялъ это мѣсто. Правда, я не умѣлъ разобрать простаго романса, но угадывалъ аккорды баса и раздѣленіе нотъ и такъ хорошо повелъ свои дѣла, что скоро мнѣ дали управлять классомъ сольфеджій; тамъ-то выучился я читать ноты, преподавая другимъ. Потомъ я перешелъ въ контрапунктный классъ Еллера, честнаго Нѣмца, напесавшаго музыку къ маленькой опереткѣ, подъ названіемъ «l' Habit du chevalier de Grammont», успѣху которой много способствовали веселое либретто и оживленная игра Мартена.

Еллеръ поклонялся Керубини и ненавидѣлъ Кателя. Трудно было понять причину этой антипатіи къ Кателю, кроткому и тихому человѣку. Еллеръ былъ очень бѣденъ и въ

послѣдній годъ своей жизни давалъ уроки у себя въ четвертомъ этажѣ улицы Бельфондъ. Однажды я пошелъ навѣстить Еллера и встрѣтилъ его на дворѣ; онъ только-что накололъ себѣ дровъ и собирался нести довольно-большую вязанку въ четвертый этажъ. Я хотѣлъ помочь ему.

— Не пужно, сказалъ Еллеръ; съ тѣхъ поръ какъ я поселился въ Парижѣ, я ко всему привыкъ и все стерплю кромѣ музыки г. Кателя.

Еллеръ умеръ. Составился конкурсъ на его замѣщеніе и Циммерманъ одержалъ верхъ, но предпочелъ фортепіанный классъ, въ которомъ и прежде преподавалъ, а мѣсто его занялъ Фетисъ, конкурентъ, сочиненіе котораго ближе всѣхъ подходило къ сочиненію Циммермана.

Я перешелъ въ классъ Рейха, необыкновенно дѣятельнаго и проворнаго профессора, между тѣмъ какъ Еллеръ былъ страшно медленъ. У Рейха можно было въ одинъ годъ пройти цѣлый курсъ контрапункта, а у Еллера не ранѣе пяти лѣтъ. Почти въ то же время Боельдье былъ назначенъ профессоромъ композиціи; я вступилъ въ его классъ при самомъ его формированіи, что возбудило большіе толки въ консерваторіи, потому что, во время сформированія этого класса, произведенія Боельдье не были въ большой чести.

Вѣроятно многіе съ трудомъ повѣрятъ, что въ то время я отъ всей души презиралъ мелодическую музыку, раздѣляя предразсудки многихъ товарищей и исключительно предпочиталъ самыя изысканныя, напыщенныя темы.

Я уже говорилъ о своей страсти къ органу и, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, занималъ мѣсто различныхъ органистовъ въ ихъ приходсахъ: я постепенно игралъ на органѣ въ церкви Сентъ-Этьенна-дю-Мона, св. Николая въ Шордонне, св. Людовика д' Антенскаго, въ церкви св. Сюльпиція и въ церкви Инвалидовъ. Я равно любилъ театральную музыку и церковную. Случай свелъ меня съ однимъ мальчикомъ изъ оркестра Комической Оперы и я всегда считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, когда мой новый знакомый проводилъ меня въ оркестръ музыкантовъ. Мой вкусъ въ то время такъ мало образовался, что я не понималъ достоинства произведеній Гретри и восхищался мрачными операми Мегюля; бесполезно прибавлять, что я скоро исправился отъ этого дикаго направленія. Театръ Гимназіи открылся для представленія оперъ; изъ новыхъ, между прочимъ, давали оперу Паччини: «Браминъ». Одинъ музыкантъ, по имени Дюшонъ, бібліотекаръ, копистъ, литавщикъ и управляющій хорами, предложилъ мнѣ играть въ оркестрѣ на трехъугольникѣ, съ платой по 40 су за каждое представленіе, съ условіемъ, что я буду отдавать ему мое жалованье. Чтобы проникнуть въ театральныи міръ, я готовъ былъ заплатить и потому безъ труда отказался отъ платы.

Наконецъ исполнилось мое сильнѣйшее желаніе, я попалъ за кулисы! — Отецъ не хотѣлъ, чтобы я былъ музыкантомъ и прочилъ меня въ гражданскую службу; но сопротивленіе его однако ограничилось тѣмъ, что онъ не давалъ мнѣ ни копѣйки денегъ, а только столъ и квартиру. Для поддержанія своихъ филансовъ, я давалъ уроки по 30 су за часъ, продавалъ нигуда негодныя романсы и еще худшія фортепіанныя піесы за 25 или 30 франковъ.

(Продолженіе въпредъ.)

При семъ № прилагается объявленіе отъ редакціи вѣдущей газеты «Русскій Міръ».

Печатать позволено въ С. Петербургѣ, 4 Іюля 1859 года. Цензоръ А. Ярославцовъ.

Въ типографіи Іонсона.

Редакторъ М. РАППОРТЪ.
Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.